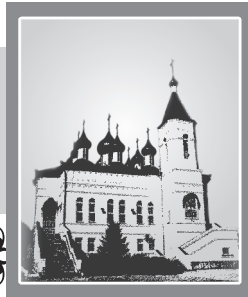

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с прот. Андреем Ткачевым. Беседа 16-я. Священное Писание.

Здравствуйтесь, дорогие друзья! Сегодня мне хочется поговорить с вами о Священном Писании.

Писание – это слово Божие, записанное рукою человеческой. Люди с открытым ухом, люди, смотрящие одним глазом вверх, а другим глазом, так сказать, вниз, то есть стоящие ногами на земле, а головой устремляющиеся к Небесам, люди, способные к разговору с Создавшим их, составили нам священные книги, начиная с Моисея, первого священного писателя. И эти книги в конце концов сформировались в одну, называемую Библию, что в переводе означает «книги». Библия – это не «книга», это «книги» – во множественном числе.

Держа в руках Библию, мы держим в руках целую библиотеку. Там есть космогония, история царей, описание жизни интересных людей, там есть переписка отдельных лиц и послания, направленные от частного лица к целому собранию или группе людей. Там есть любовная лирика, там есть притчи мудрых, там есть предсказания о будущем, то есть там – все жанры литературы, собранные под одной корочкой, и называется это «Книги». Но само слово «Библия» в Библии отсутствует.

Книги эти священного происхождения, книги Божии, книги, Самим Богом подаренные человеку. И сегодня, в эпоху тотальной грамотности, очень хотелось бы, чтобы человек упражнялся в Законе Господнем день и ночь. Так начинается Псалтирь царя Давида. Он похвалится и уважает человека, который склонил свое сердце к изучению Закона Господня и в Законе Господнем поучается день и ночь. Собственно, когда Закон давался через Моисея людям еврейским, было сказано, что мудрость твоя будет в том, чтобы ты не отпускал книгу-закон от глаз твоих ни утром, ни вечером: ложаешься и вставая, насыщаясь и поднимаясь из-за стола, просыпаясь и засыпая – постоянно, на пути и дома, занимаясь изучением слова Господня. Божественная Тора – а впоследствии потом Божественное Писание, то есть Тора и пророки, доходящее в конце концов до Священного Божественного Евангелия четверочастного – четыре реки, вытекающие из рая: Матфей, Марк, Лука и Иоанн, – со всем корпусом апостольских писаний – это не слова человеческие.

Это слова Господа Бога, которые были произнесены Господом Богом в слух уха духовного человека в тех или иных исторических условиях. На них есть печать истории, потому что произносились они в проблемных условиях: в Египте, в пустыне, в земле Израиля, в земле изгнания – Вавилоне, в пленении римлянами, при распространении Божиего слова в пределах Малой Азии и части Средиземноморья, то есть каждый раз – печать исторического свидетельства. И память об истории, конечно, есть, она отсиснута на этом слове, но сердцевина его – это слово Божие, а не слово человеческое. Как говорил известный, ныне покойный, Царствие ему Небесное, филолог и культу-

ролог Юрий Лотман, вечность всегда одета в одежду времени, то есть всё, что есть вечного, одевается в одежду времени. Иногда в камзол, иногда в сюртук, иногда в пиджак, иногда в рыцарские латы, но под латами, пиджаком, сюртуком и камзолом всегда находится сердцевина, то есть корень – Божие слово, Божие откровение, данное людям навсегда.

Вообще евреи, поднагоровшие в изучении священных писаний, имевшие заповедь заниматься этим день и ночь, конечно, могут быть нашими учителями в части бережного отношения к Священному Писанию. Раньше ведь не было печатных станков и люди переписывали книги от руки. Две ошибки в тексте – и вся Тора уже негодна! Переписчик Торы – это человек, который слеп над книгой. И, например, когда он писал имя Божие, видел четыре священных буквы, он снимал с себя старую одежду, омылся водой, надевал на себя белую новую, говорил: «Я хочу писать имя Господне», – и продолжал. Годами переписывались священные тексты, ничего в них не упускалось.

Евреи, переписывавшие Библию, – об этом Паскаль замечает в своих мыслях – скрупулезно и тщательно, из поколения в поколение передавали до буквы, до йоты, до последней черточки всё, что касается наказаний им же, евреям, за несоблюдение Заповедей Господних. Любой другой народ, предполагает Паскаль, имея самовлюбленность и считая себя лучше других, наверняка бы со временем вычеркнул, вымарал, вычистил бы эти страшные слова, которые Бог с угрозой произнес евреям. Он сказал: если ты будешь делать всё, что здесь написано, у тебя будет то-то, то-то и то-то, а если ты не будешь делать то, что здесь написано, у тебя будет то-то, то-то и то-то. А Книга Второзакония может поднять волосы на голове, столько там ужаса написано. И они из года в год, из столетия в столетие переписывали эти страшные слова, обращенные к ним, так как понимали, что это – слово Божие.

Христос Господь сказал: ни единая йота, ни единая черта не пройдет от закона, пока не исполнится всё. Йота (еврейское «йод») – самая маленькая буква алфавита, а черта – это надстрочная или подстрочная огласовка, которая подсказывает, как произносить то или иное слово, так как гласных букв в еврейском алфавите только две – «а» и «у», остальные все должны угадываться по контексту, и для этого есть всякие черточки. Так вот, каждая черточка имеет свою цену, имеет свой вес.

Еврейские книжники подсчитали, что Господь Бог дал, кроме Десяти заповедей на горе Синайской, в общей сложности 613 так называемых мицвот – 613 священных повелений, которые делятся на запреты и приказы. Вообще заповедь – это запрет и приказ. Когда Господь создал Адама в раю, Он сказал ему: «Рай нужно возделывать и хранить». Это приказ: возделывай и храни! А запрет – «Не вкушай от древа познания добра и зла». Также и в Десяти заповедях

есть запреты и приказы. Например, «чти отца и мать» – это приказ, повелительный, положительный приказ. «Не укради» – это запрет. Запреты и повеления – это и есть заповедная зона действия нравственного закона.

Так вот, евреи подсчитали, что в общей сложности запретов и приказов Господь дал 613 во всем Писании, а 613, оказывается, раскладывается удобно на два числа: на 365 и на 249. 365 – это повелений, которые равны числу дней в году, а 249 – запреты, которые равны числу костей в человеческом организме. Я поинтересовался в современных медицинских атласах: 249 – это считая плюсневые косточки (в пяточке самые маленькие) и самую маленькую косточку в ухе – молоточек, которая совсем микроскопическая, которая бьет по барабанной перепонке, реагируя на колебания звука. Как они всё это подсчитали в древние времена – я не знаю: анатомия была запретным занятием. Только в средние века начали препарировать трупы преступников, чтобы понимать внутреннее устройство органов человеческих. Как они раньше этим занимались – не понимаю. Но, действительно, 365 повелений, 249 запретов – вместе 613 заповедей Господних. И это не случайно.

Куда ни ткни – там везде пророчества, куда ни ткни – там везде о Господе. Ни йота единая, ни единая черта не пройдет от закона, доколе не исполнится всё.

В окончании нашей сегодняшней беседы приведу такой пример, он мне просто фехерически нравится, я наслаждаюсь и скачу от радости. Когда Моисей умирал, он передал свои полномочия Иисусу Навину. Иисус Навин – это человек, который привел еврейский народ через Иордан в пределы Палестины и там воевал сильной рукой с гересеями, ферезеями, иевусеями, выгнал их всех и поселял народ на разделенной земле по коленам. Так вот, Моисей знал, что он не зайдет в обетованную землю. Он вывел народ из Египта, но сам в землю обетованную не поведет – так Бог решил. И он передает свои властные полномочия – царские по сути, судебные и военачальнические – Иисусу Навину. Ну, его еще и не звали тогда Иисус, звали его Осия. Осия, сын Навина. Для того, чтобы передать ему всю свою власть, Моисей называет его Иисусом, переименовывает его, и тогда уже дает ему власть. Завести людей в землю обетованную должен Иисус. Моисей должен вывести вас из рабства, но в землю покая он вас не заведет – это пророчество, – а заведет вас в землю покоя Иисус. А для этого нужно переименовать Осию в Иисуса. А как переименовывается Осия в Иисуса? Это очень интересная вещь! Осия по-еврейски – Гошуа, а Иисус по-еврейски – Йегошуа. Для того, чтобы переименовать Гошуа в Йегошуа – Осию в Иисуса, – нужно добавить ему йоту единую! Вот теперь – заводите людей! Теперь ты – Иисус. Вот вам и единая черта, вот вам и единая йота, которая не пройдет от закона, то есть мелочь вроде

бы, которая добавляется к имени и решает судьбы мира.

Авраам сначала был Аврам, но потом Господь говорит ему: ты больше не будешь Аврам, ты будешь Авраам, Аврахам (Ибрагим, как говорят арабы). То есть добавляется буква «хэй». Эта буква имени Божия – ЙХВХ – она два раза повторяется: «йот», «хэй», «вау», «хэй». «Это Моя буква, – говорит Господь, – я Свою букву дам тебе, будешь теперь Аврахам, и Моя буква будет в имени твоём, и ты будешь сильный, и сильнее всех, и от тебя родятся миллионы».

Так что каждая запятая в Писании нужна, каждая йота, каждая черточка, и мы, грамотные люди, сегодня, конечно, должны изучать Писание. Мы должны изучать его, например, на отдыхе. Вот сейчас с вашей головы хотя бы на месяц слезет, допустим, забота просыпаться утром, чистить зубы, есть вареные яйца и бежать на метро, чтобы успеть на работу. Вы будете спокойно отдыхать – кто-то поедет в Болгарию, кто-то поедет на озера Саян, кто-то поедет в Подмоскovie на дачу, кто-то поедет на озеро Байкал или на Камчатку на гейзеры... Куда хотите, поезжайте, но, пожалуйста, берите с собой Священное Писание и изучайте его.

В машине едучи, включайте себе Псалтирь, или пророка, или Апостольские Писания – и слушайте. Ну сколько можно Машу Распутину слушать, например, или Филиппа Киркорова, едучи в машине и, может, копя небо в пробках! Включайте диски с песнопениями, молитвами и священными текстами. Дома читайте Божественное Писание, потому что это не слова человеческие, это слова Божии, и когда ты читаешь Писание, то Бог разговаривает с тобой. А когда ты хочешь сам что-то Богу сказать, это уже молитва. В молитве ты с Богом говоришь со своей стороны, а когда ты читаешь Писание – Бог разговаривает с тобой со Своей стороны. Вот и получается такой интересный диалог.

«Бери, читай! Бери, читай!» – говорил ангельский голос блаженному Августину. Он страшно мучился: идти за Христом или всё-таки еще подождать? делать перелом в своей жизни или, может быть, потом? готов я или не готов? Был тоненький голосок ему над ухом: «Бери, читай! Бери, читай!» – «Tolle, lege! Tolle, lege!» И он раскрыл книгу – Послание апостола Павла – и прочел: «Не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти, но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и пощения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13, 13-14). Эти слова ударили его в сердце, и Августин поменялся. Он стал тем, кем знаем мы его сегодня, – святым отцом. Он о том, что с ним произошло, рассказал своему другу Алипию, Алипий раскрыл тоже Библию наугад, а там было написано: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях» (Рим. 14, 1).

Бери, читай! Бери, читай! Tolle, lege! Tolle, lege! Священное Писание дано каждому для спасения, для вразумления, для назидания в праведности.

помощью определите свой путь. Вы можете посещать монастыри и некоторое время гостить в них; это не обязывает вас остаться там или принять монашество. Только когда человек внутренне уверится, что монашество – это его единственный путь, тогда можно решиться на такой шаг.

Главные цели, к которым должен стремиться православный христианин в своей духовной и земной жизни?

Главная цель христианской жизни – стяжание Духа Святого. Об этом подробно написано в беседе преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым.

На что прежде всего обращать внимание в духовной жизни и чего стараться избегать на духовном пути?

В духовной жизни надо, прежде всего, обращать внимание, чтобы ее основой были смирение и покаяние. Необходимо избегать крайностей: с одной стороны переоценки своих сил, с другой – нерадения.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Вопросы священнику

Как только я начинаю больше молиться, чаще ходить в церковь, муж, что это? Какой выбрать путь? Как относиться к тому, что на психологии сказали, что я меланхолик, меняться или смиряться?

Опытный духовник, если вы сами не будете спрашивать его, не будет указывать, как вам жить. Поэтому особенно не обращайтесь внимания на советы неизвестных вам людей. Выбирайте путь согласно вашей религиозной потребности.

В психологии термин «меланхолик» вовсе не означает человека унылого, печального или жизненненавистного. Меланхолик – человек, который медленно воспринимает идеи и принимает решения. Но, поставив перед собой цель, старается не отступить от нее. Поэтому в термине «меланхолик» нет ничего негативного. А вообще, эта классификация более подходит душевному, а не духовному плану. Человек, стяжавший благодать, стоит выше этих шатких категорий. Выберите духовного отца православного по духу и с его

Как только я начинаю больше молиться, чаще ходить в церковь, муж, что это? Какой выбрать путь? Как относиться к тому, что на психологии сказали, что я меланхолик, меняться или смиряться?

Опытный духовник, если вы сами не будете спрашивать его, не будет указывать, как вам жить. Поэтому особенно не обращайтесь внимания на советы неизвестных вам людей. Выбирайте путь согласно вашей религиозной потребности.

В психологии термин «меланхолик» вовсе не означает человека унылого, печального или жизненненавистного. Меланхолик – человек, который медленно воспринимает идеи и принимает решения. Но, поставив перед собой цель, старается не отступить от нее. Поэтому в термине «меланхолик» нет ничего негативного. А вообще, эта классификация более подходит душевному, а не духовному плану. Человек, стяжавший благодать, стоит выше этих шатких категорий. Выберите духовного отца православного по духу и с его

«*Райские хутора*» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

— Представляешь, — рассказывал он, едва сдерживая радостный смех, — она говорит: «Ты все-таки поехал к Пучкову?» Я говорю: «Поехал». А она: «И Валентина там была?» Я говорю: «А как же!» Она тогда: «Ну и как она?» Я говорю: «Почти не изменилась». Таисья аж чуть не взвыла. «Ты, — говорит, — и прежде ей шоколадки покупал, а мне — ландрин»... Ну, ничего, обошлось...

— Какая Валентина?
— Не помнишь, что ли? А! Это до тебя было. Когда мы в Москву приехали, у Таисьи подруга завелась, Валентина, ну она и давай меня к этой подруге ревновать — та уж и замуж вышла, а эта все... Ландрин какой-то...
— Когда ж это было?
— Это?... Году, наверное, в двадцать восьмом.
— И что, с тех пор так и тянется?
— Ну да: то к Валентине, то еще к кому. Валентины-то я лет пятьдесят не видел — она теперь согнутая вся, с клюшкой, а тогда — ничего была.
— И не тяжело, дядя Вась?
— Чего?
— Ну, терпеть все это?

— А чего тут тяжелого: жена — она и есть жена, мы с ней уже седьмой десяток вместе живем... С ней-то легко, а вот со мною... Я же одно время знаешь до чего допился?... А-а, то-то же. В общем, стали ко мне являться лукашки да окаяшки. Как надерусь, они и являются.

— Что, с копытами и рогами?
— Насчет этого не скажу: на ногах — штиблеты, а волос у них кучерявый, так что не разглядел, да и хвостов не видал — при костюмах ведь, но в остальном — носатые и серой воняют, вот, брат!.. Один, кстати, сильно похож был на председателя худсовета, которому Таисья картины сдавала. Он все пейзажи не любил, заводы все требовал, фабрики... да. Ну, это так, к слову. Однажды я, знаешь, психанул на них, а они народ такой, все бывало, посмеиваются да ухмыляются, — ну, психанул, стало быть: схватил топор и ка-ак хрястну! Что тут бы-ыло!.. Искры, огонь, дым... Оказалось, по телевизору саданул. Ну, выкинул телевизор. И этих, знаешь, сразу же поубавилось. Сильно поубавилось... Вот, брат... Так что несладко ей со мною пришлось, несладко. Однако шестьдесят лет прожили. Это вы, нынешние: чуть что не так — побоку, разошлись, как в море корабли. А чего расходиться-то? Это ж — крест: взвалил на себя — и неси, до упора неси, до конца. Чего его сбрасывать-то? Увидишь какой поменьше, думаешь: о, возьму его! Сбросишь свой, новый подхватишь, а он хоть и поменьше, зато из чугуна. Потом глядь — еще меньше: цап его — а он вовсе свинцовый. Сменяешь на пенопластовый, а тот — орясина — за все кусты задевает. Снова какой-нибудь деревянный подберешь — ан весь в занозах... Так что тащи, что дали, и не рыпайся: браки совершаются на небесах — это мне Таисья сказала, когда я начал ее... это... уговаривать... Мы ж с ней на дороге лесной сошлись: я из дома сбежал, учиться двинул, а у нее родителей шлепнули, вот и шастала, неприкаянная... Было нам тогда по пятнадцать лет. Ну на небесах, говоря, так на небесах: зашли в церковь, обвенчались, вот и живем с тех пор. А насчет разных там выкрутасов вроде больницы этой — ерунда, на ход поршней не влияет. Как наставлял меня тот священник — ну, который венчал нас: «Женщина — сосуд слабый, немощный, ты уж побереги ее». Так что извини и спасибо.

Мы попрощались, и дядя Вася ушел. Через несколько минут позвонила мне тетя Тая. Попросила прощения за то, что «по своей бабьей глупости» — ее слова — доставила столько хлопот мне и Василию — «человеку великодушному и благородному». «Вы знаете, — сказала она, — кроме меня, никто и не ведает, как он прекрасен и чист, — я ведь и мизинца его недостойна...»

Так что же соединило этих столь непохожих людей на весь их жизненный срок?... Во времена, когда семья все более и более напоминает собой поле бессмысленной и жестокой битвы,

супружество дяди Васи и тети Таи изумляет своею едва ли не фатальной надежностью.

Дело тут, думается, вот в чем: они верили, что браки совершаются на небесах, потому их брак на небе и совершился.

Шел третий день...

Маленький этот институт занимал первый этаж старого арбатского дома. Собственно, институт давно уже был присоединен на правах филиала к другому, значительно более солидному, но благодаря, вероятно, территориальной автономии сохранил свой уклад и свою вывеску с длинным названием.

Человек, впервые попавший сюда, — скажем, новый курьер из министерства или провинциальный командированный, — распахнув двери, заставал обыкновенно на месте, пораженный богатством и разнообразием флоры: цветы пышно вздымались на подоконниках, гирляндами ползли по стенам и потолку, свисали со стеллажей и шкафов.

Спросив прощения, новичок выходил на улицу, вновь вчитывался в облезлую вывеску и, пожав плечами, решался на вторую попытку. Когда, еще раз поздоровавшись, он робко интересовался, не здесь ли находится институт с тем самым названием, шесть женщин, которых он поперву в этих джунглях и не углядел, наперебой начинали заверять его в том, что он действительно не ошибся.

Гостя усаживали в продавленное кресло, тотчас же включался электрический самовар, извлекались из сумок конфеты, сухарики и печенье. Гость порывался было объяснить, зачем он здесь, но на него махали руками: потом, потом!

Тут появлялись еще какие-то женщины, начинали рассказывать про дела магазинные, кто-то исчезал, потом возникал вновь... И скоро уже гость совершенно путал сотрудников института с жильцами дома, его уже кормили домашними пирожками, сырниками, винегретом, в который раз поили свежесваренным чаем, приглашали в двенадцатую квартиру «на собственную наливочку», в двадцать восьмую — «принять под грибки», а пудель с четвертого этажа уже плясал на задних лапах лезгинку... Тут вдруг призрачным видением из-за лиановых зарослей являлся мужчина, передавал пакет секретарше и вновь исчезал. «А кто это?» — изумлялся освоившийся гость. «Это же Карцев!» — с не меньшим изумлением объясняли ему.

Посетитель, подумав несколько, вспоминал, что именно к этому Карцеву он и приехал, что именно этот Карцев и должен завизировать какую-то важную бумагу: сводку, справку или отчет. Продравшись к месту, где только что промелькнуло видение, гость обнаруживал традиционный коридор: прокуренный и неимоверно голый.

Найдя дверь с нужной табличкой, он виновато стучался, входил, и взору его представал усталого вида мужчина лет сорока пяти — Владимир Иванович Карцев, директор филиала. Оторвавшись от бумаг, Владимир Иванович здоровался, снимал очки, мял отекие веки, выслушивал посетителя, вновь надевал очки и, просмотрев поданные документы, расписывался.

Карцев служил в этом учреждении с тех пор, как оно стало филиалом: начальник главка уговорил отложить докторскую и года два, пока будет проходить реорганизация, «посидеть в кресле». Карцев проработал два года, проработал третий — замены не находилось. Он жаловался, ругался — его просили, умоляли «ну хоть чуточку, хоть немного совсем», устанавливали «крайний» срок, потом «последний», потом «окончательный». Так время и шло. И все дальше за спиной оставалась не доведенная «до ума» докторская, все труднее становилось Карцеву устоять на ногах в бумажном ворохе отчетов, сводок, справок и отчетов об отчетах.

Нельзя сказать, что руководимый Карцевым филиал не делал совсем ничего. Делал. Приносил какую-то пользу. Так, по крайней мере, полагали вышестоящие инстанции. Они же, надеясь, что польза полагаемая может превратиться в ощутимую, и проводили перманентные реорганизации: то, скажем, отнимут у филиала собственную бухгалтерию, то наоборот — возвратят, то упразднят должность инспектора по кадрам, то восстановят. Однако сколь-нибудь заметного роста полезности добиться не удавалось.

Карцев же, воспаряясь иногда мыслью к интересам общегосударственным, всякий раз обнаруживал, что контора его более всего принесла пользы, когда б закрылась. Но, понимал он, рассуждения эти из области утопических: за три года он,

как ни бился, не смог уволить и одного бездельника, что уж тут говорить о закрытии целой конторы — так, грезы... Словом, служилость ему безрадостно.

Семейные обстоятельства Карцева были такими, какими они, к сожалению, куда как часто бывают: дети становились все более любимыми, жена — все более раздражающей.

И нет, пожалуй, ничего удивительного в том, что подчас жизнь делалась для него попросту невыносимой. Случалось, в тяжкие минуты прихватывало сердце, и Карцев подумывал о скором инфаркте; случалось, сильно болела голова, лопались в глазах сосуды — Карцев начинал подумывать об инсульте; бывало, что и голова и сердце болели сразу. «Интересно, — гадал он, — от чего же все-таки помру — от инфаркта или от инсульта?»

Отдыхалось Карцеву лишь на рыбалке. Причем уставал он сильнее всего зимой, и оттого, по-видимому, рыбалку предпочитал зимнюю. Заранее наметив день, Карцев тщательно готовил удочки, укладывал их в ящик, собирал продукты, правил лезвие коловорота, запасался на «Птичке» мотылем и в яростной, угрюмой сосредоточенности устремлялся к какому-то безымянному водоему, на льду которого по выходным дням собиралось меж тем такое значительное множество подобных Карцеву беглецов, что лед, случалось, и не выдерживал.

Как-то среди зимы, в глухую, по рыбацким понятиям, пору, когда рыба ловится совсем плохо, Карцев оказался километров за триста от Москвы на маленьком полустанке, какие теперь редко где встретишь: с одиноким домиком смотрителя, с полуразрушенной — вероятно, еще в годы войны — водокачкой, с железным, вручную переключаемым семафором, с занесенным снегом полотном тупика, с ненынешним фонарем стрелки, за стеклом которого неровно и тускло мерцал керосиновый фитилек.

Железная дорога пересекала здесь незначительную речушку, на которой Карцев и предполагал порыбачить. Приехал он ночью. Спрыгнул в снег — поезд сразу же тронулся. Дождясь, когда скрылись вдали красные огоньки хвостового вагона и стихла поднятая составом метель, прошел на лед и еще затемно насверлил лунок, установил брезентовый тент-шалашик, словом, вполне угнездился.

Время от времени проползали вверх по реке грузовики — лесовозы. Метровый лед сухо и неопасно потрескивал, свет фар выхватывал из темноты берега, где — пологие, заснеженные, где — обрывистые, с частоколом сосен.

Рассвело. Поклевок не было. Карцев взялся сверлить новые лунки, пробовал на блесну, на поплавочную удочку, на мормышки: светлые, темные, тяжелые, легкие, «капелькой», «дробинкой» — весь арсенал перебрал. Менял насадку, прикармливал мелким мотылем, панировочными сухарями — безрезультатно. Он, однако, был рыболовом со стажем — знал, что не ловится рыба куда чаще, чем ловится. Унынию не поддался — свернул брезент, спрятал его в рюкзачок и отправился искать рыбу. Шутки ради просверлил лед под мостом — а у быков давление обычно повыше, — из лунки ударил фонтан, вода разлилась широким озером, а Карцев пошел себе дальше, насивистывая какую-то песенку, благо не было рядом жены, которая враз бы: «Не свисти! Денег не будет!»

«Ну и шут с ней, с рыбой, — думал Карцев, — пусть не клюет. Все равно домой только в воскресенье поеду». А пока была лишь только пятница.

Сорок девять дыр насверлил Карцев: на глубине, на отмелях, на фарватере и в заливах. Из пятидесяти — «юбилейной» — извлек мелеенького прозрачного ерша. Подержал на ладони: «Ежели с полусотни лунок будет ловиться по одной штуке, то, чтобы на ущицу, — коловорот до рукоятки сточится», — и отпустил рыбешку.

Тут возник на берегу мужичок. Подошел, поздоровался, поинтересовался уловом. Карцев представил исчерпывающие объяснения и узнал, что «рыбы ноне совсем в реке нет, совсем: летось электроудочками повыбибли».

— Теперь весны ждать надо! — заключил мужичок. — Как новая вверх пойдет.

— Понятно, — Карцев огорчился всерьез, и вовсе не из-за того, что весны надо было ждать долго, а из-за того, что опять, в который раз за последние годы, попал он на водоем, загубленный браконьерскими электроудочками.

Продолжение следует

Отметим

Один из братьев спросил одного старца:

— Каким образом некоторые изнуряют себя в своем образе жизни и все же не получают благодати, как древние?

Сказал старец ему:

— В то время была любовь, и каждый влек ближнего своего ввысь. Теперь же, когда любовь охладела, каждый влечет ближнего своего вниз. Из-за этого мы и не получаем благодати.

Когда авву Агафона спросили о дерзости, он сказал:

— Она подобна сильному жгучему ветру, от которого, когда он подует, все бегут, и который портит всякий плод на деревьях.

И когда опять спросили:

— Неужели так вредна дерзость? — он ответил:

— Нет страсти вреднее дерзости, ибо она есть мать всех страстей.

Некий солдат спросил однажды одного из старцев, дарует ли Бог прощение грешникам. И старец ответил: «Скажи мне, возлюбленный, если плащ твой порвался, ты выбрасываешь его?»

Солдат ответил: «Нет. Я его чиню и продолжаю носить».

Старец заключил: «Если ты заботишься о своем плаще, неужели же Бог не будет милосердным к Своему собственному образу?»

Один раз сидел бес в образе человека и болтал ногами. Видевший это духовными очами преподобный Амвросий Оптинский спросил его: «Что же ты ничего не делаешь?»

Бес отвечал: «Да мне ничего теперь не остается делать, как только ногами болтать; люди всё делают лучше меня».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

3 июл., вс. — Неделя 2-я по Пятидесятнице, Всех святых, в земле Русской просиявших. Всех преподобных и богоносных отцов, во Святой Горе Афонской просиявших. Сщмч. Мефодия, еп. Патáрского. Блгв. кн. Глеба Владимирского. Свт. Гúрия, архиеп. Казанского. Равноап. Наýма Охридского. **Всех святых, в Болгарии просиявших.**

4 июл., пн. — Мч. Иулиána Тарсийского. **Обрётение мощей прп. Макси́ма Грека.** Мч. Иулиána Египетского и иже с ним. Прп. Анастасии, матери свт. Саввы Сербского.

5 июл., вт. — Сщмч. Евсе́вия, еп. Самосáтского. Мчч. Зинона и Зины. Мчч. Галактиона и Иулиании. Свт. Григория, митр. Валашского. Сщмчч. Феодора и Гавриила диаконов.

6 июл., ср. — Мц. Агриппины. **Владимирской иконы Божией Матери. Собор Владимирских святых.** Прав. Артёмия Веркольского. Свт. Гёрмана, архиеп. Казанского. Прп. Ио́сифа Зао́нiкиевского. Блгв. кн. Феодора Владимирского. Мчч. Евстохия, Гаия, Провия и иных. Сщмчч. Александра, Алексия, Петра пресвитеров. Сщмч. Митрофана, архиеп. Астраханского.

7 июл., чт. — Рождество честного славного Проро́ка, Предте́чи и Крестите́ля Господня Иоáнна. Прп. Анто́ния Ды́мского. Правв. отроко́в Иа́кова и Иоáнна Меню́жских.

8 июл., пт. — Прмц. Февро́нии девы. **Блгвв. кн. Петра́, в иночестве Дави́да, и кн. Февро́нии, в иночестве Евфроси́нии, Мýромских чудотворцев.** Прп. Далма́та Исе́тского. Сщмч. Васи́лия пресвитера. Прп. Никона Оптинского, исповедника. Сщмч. Васи́лия пресвитера.

9 июл., сб. — Прп. Дави́да Солу́нского. **Тихвинской иконы Божией Матери.** Обрётение мощей прп. Тихона Луховского, Костромского. Свт. Дио́нисия, архиеп. Су́здальского. Прп. Иоанна, еп. Готфского. Перенесение мощей прп. Ни́ла Столобенского. Сщмч. Гео́ргия пресвитера.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь.
Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!